

ЗАПОВЕДЬ
— ТРЁХ —
СЛУЖЕНИЙ

— ЧАСТЬ ПЕРВАЯ —

18+

Руслан Репин

**Заповедь Трёх
Служений. Часть первая.**

«Автор»

2026

Репин Р.

Заповедь Трёх Служений. Часть первая. / Р. Репин — «Автор»,
2026

Двенадцать человек из разных стран отправляются в монастырь Тихого Ветра, расположенный далеко в горах, надеясь изменить свою жизнь. Кто-то ищет исцеления, кто-то смысл, а кто-то просто бежит от прошлого. Но уже в первые дни становится ясно, что это место не лечит привычным способом. Оно заставляет смотреть туда, куда человек боится заглянуть сам.

© Репин Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
## – Чуншэн (Перерождение).	14
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Руслан Репин

Заповедь Трёх Служений. Часть первая.

Глава

В основе книги лежат истории, случившиеся в реальной жизни, пронесенные сквозь время и отраженные здесь, в этой книге. Они были пережиты, осмыслены и превращены в путь, который я предлагаю пройти и вам.

Посвящается моему отцу.

День первый. Июнь.

Пока мы едем, я тут разболтался со всеми. Здесь столько разных наций... вот, к примеру, со мной сидит девушка из Японии. Мизуки или Мидзуки... так и не понял. Она очень милая. Впереди разлеглись брат с сестрой, Чжень и Сян. Забавные ребята. Выглядят на все шестнадцать, я подумал, подростки, но нет. Ещё тут сидит некая Евлалия, прикинь? Впервые слышу такое имя. Евлалия... достаточно породистая натура, правда, я так и не спросил, откуда она родом. А ещё тут одна особа. Зовут Розали. Вот она-то настоящая бунтарка! К тому же блондинка. Тебе бы она точно понравилась! Она успела поругаться тут с одним бразильцем, а он всеми командует. Комплекс неполноценности виднеется издали. Тут есть и другие, но мне было лень болтать прям со всеми. Ах да, ещё с нами какая-то мамочка. Я сначала подумал, это реально чья-то мать, сыночка пришла провожать, но нет. Она тут совсем одна. Вообще имена у меня тут собрались такие... забавные... Айлин, Чжао, Евлалия... Расскажу дома, не поверят. А так, многим за тридцать. Кстати. Нас всего двенадцать. Причём знаешь, ПОРОВНУ. Шестеро мужчин и шестеро женщин. Не знаю, что ещё написать. Кажется, мы приехали... береги себя, друг.

Внедорожный автобус свернул с основной магистрали, находясь вдали от цивилизации. Дорога сузилась, ветви били по окнам, а густой лес вокруг превращал полдень в подобие вечера. Кевин, отложив свои записи, задумчиво уставился в полуоткрытое окно, через которое тёплый воздух обволакивал его. Транспорт начал трястись на больших ухабах, однако из-за резкого склона и опасной дороги водитель сбавил скорость. Наклон становился всё больше. Легкий пот застилал лоб Кевина; он начал сильно волноваться, но спустя мгновение водитель грубо сманеврировал на скорости, и дорога тут же выровнялась.

— Сумимасэн... вы чего расселись? Мы почти приехали! — молодая японка слегка пнула Кевина локтем.

Не торопясь, он положил свой дневник в сумку, снял оптические очки и откинулся назад. С собой у него было почти ничего. По строгим указаниям следовало брать лишь самое необходимое; зубная щётка, записная книжка, простыня и тёплая одежда, при этом последние два пункта оставались на усмотрение. На часах был полдень, а за плечами группы было более восьми часов непрерывного пути. Долгая дорога без передышек заставляла Кевина испытывать боль в копчике; его и без того ослабленное здоровье не выдерживало лишних испытаний, и ему казалось, что после остановки автобуса он просто не сможет ходить. Внезапно водитель притормозил и громко обратился к пассажирам. Для некоторых слова водителя звучали как что-то неясное. Покинув автобус, все оглянули местность. Вокруг была пустота. Густой зелёный лес заполнил всё пространство. Лучи солнца с трудом просачивались через листья. Провожатый группы, мальчишка из Китая, успел разъяснить ситуацию, собрав всех поближе и призвав

никого не отходить от указанного им пути. Молодые китайцы из группы выкрикивали что-то проводнику, но тот не поддавался провокациям и спокойно отвечал на их претензии.

— Слышь, — резко обратилась Евлалия, оборачиваясь к ирландцу, — ты понимаешь китайский? О чём это они спорят?

— Почему ты решила спросить именно меня? — ответил тот с недовольством.

— *Madre mía...* — она прищурилась, разглядывая его с ног до головы, — ты вроде как на ботаника похож.

— Никакой я не ботаник! — возник Кевин, пытаюсь понять вопли двух парней, — ни черта не понимаю. Они сказали что-то там... бу тин... сян... шан... кажется, это значит наверх... ай... да какая разница? Он же знает, куда нас ведёт?

— Я ж пошутила... — тыкнула она его пальцем, — а ты и правда видать ботаник.

Кевин смерил её взглядом и промолчал. Тем временем провожатый повёл группу на самый верх. Они шли по горной тропе около часа, постепенно возвышаясь. На каждый вопрос мужчина лишь безмолвно пожимал плечами, призывая следовать за ним. Некоторые пытались сделать хотя бы маленькую передышку, но как только кто-то останавливался, провожатый тут же стучал по рукам своим дубовым посохом. И вот, наконец, они оказались у длинных ступеней. Огромная лестница перед ними была настолько велика, что, поднимая голову, они не видели её конца.

— Это... чего... нам теперь подниматься вон... туда? — указал Кевин пальцем на самый верх.

— Дья-дья! Типерь вам тюдя! Сматрити не упадिति и запомнити, абратна вам нилзя. Я пашол! — выговорил с акцентом провожатый и ушёл обратно, покинув группу.

— Зачем было себя мучить и болтать на английском?! — удивлённо обратился ирландец к остальным.

— Тут все говорят на английском, — встряла в диалог Розали, — как ты думаешь, почему мы все записались именно сюда?

— Ну... я думал, потому что тут женщины и мужчины могут обучаться вместе, ну, и что тут лечат от всех болезней?

— А эта девка была права, как её там...? — усмехнулась Розали, — ты реально настоящий ботаник! Сами мастера преподают на английском, балда. Ты, походу, совсем ничем не интересовался. И как ты сюда попал?

— Эй, это прозвище занято, — подхватила Евлалия, — называй его как-нибудь иначе.

По мере их возвышения воздух становился всё более разряжённым и прохладным. Мир внизу начал покидать их навсегда. Чжень и Сян шли плечом к плечу, обмениваясь взглядами. Мизуки была погружена в мысли, а Евлалия с девушкой по имени Фрейя о чём-то перешептывались. Постепенно Кевин узнавал у каждого, откуда они родом. Среди незнакомых оставались парень из Китая, юноша из Сингапура, женщина из Казахстана и молчаливый парнишка, которого Кевин принял за глухонемого. И хотя Кевин первый начал путь по лестницам, его давно опередили все остальные из группы. Подняв голову, он увидел, как Сян добралась первой и взревела во весь голос со своим акцентом:

— Айё! — помахала она руками группе внизу, — Невероятна! А я думала, мы хоть устанем!

— Уф... у вас в Китае... это... фуф... чего... — с одышкой завопил Кевин, — тысячу лестниц повсюду понаставлены?!

— А ты ни знал? У нас там лестницы строят прямо в небо. Чтобы это... сразу туда... бис очереди на тот свет, — акцент Чжениа был более мягок, чем у его сестры.

Воодушевлённость молодой девушки сподвигла всех двигаться быстрее. Ирландец остался последним. Пропотевший насквозь, он уже не чувствовал ног. Когда оставалась послед-

няя ступень, он споткнулся и слегка упал. На помощь сразу подбежала Мизуки, в то время как остальные любовались прекрасными видами местности.

— Ох... аригато, госпожа... Ми... ми-ми... — задумался Кевин, — слушай, не повторишь своё имя ещё раз? А то стыдно как-то...

— Вы очень забавный. Ми-зу-ки! — медленно проговорила она, — всё просто. Мизуки. Запомнили?

— И снова аригато, Мизуки. Без тебя я бы тут валялся ещё долго-долго, — произнёс он с благодарностью.

— Ну что вы! Мы, люди, должны помогать друг другу! — покраснела она.

Перед их взорами, чуть впереди, высился великолепный монастырь, воздвигнутый целиком из холодного и серого камня. Его массивное трёхэтажное строение частично заслоняла одинокая сакура. Перед ней журчал фонтан. Справа петляла узкая тропинка, ведущая вниз, к скромным постройкам. Слева же валялись искусно выточенные доски и отточенные до совершенства палки, наподобие древних копий, а дальше вели несколько троп вглубь холма и леса. Территория монастыря казалась необъятной, и чтобы изучить её полностью, потребовались бы часы кропотливых исследований. Присутствующие начали разгуливать и осматриваться вокруг. Двери храма держались закрытыми. Провожатый, оставивший их на пороге этого священного места, передал группе небольшой свиток с указанием прочитать его сразу по прибытии. Чжень осторожно развернул этот пергамент.

— Следует немного подаждать Сифу, пока они явятся к вам, — Чжень почесал затылок. — И чё эта значит?

— А сколько нам ждать? Я есть хочу! — громко воскликнула Розали.

— Давайте осмотримся, тут так красиво! Эй ботаник, ты тоже подходи, — подозвала Евлалия остальных, вместе с Кевином.

— И никакой я не ботаник! — пробубнил он себе под нос.

— Ещё какой! — добавила Розали, — давай не ной, пошли с нами.

Все вокруг разделились на мелкие группы. Кто-то ушёл бродить по тропинкам, а кто-то к монастырю. Кевин присел под большим дубовым деревом. Подняв взгляд к покрову листьев, он позволил себе погрузиться в лёгкий сон. Пока он покоился, Розали вместе с Евлалией обнаружили маленькую деревушку на далёком склоне, где кипела жизнь. Чжень и Сян, исследуя окрестности, нашли много съедобного: яблони, облепиховые кусты, кизильники, обилие орехов и айвы. Между тем Мизуки устроилась для медитации под соседним деревом, стоящим напротив того, под которым покоился Кевин. В позе лотоса она прижалась к стволу. Лёгкий дождик, начавший моросить, успокаивал её. Погода здесь менялась каждые полчаса. Вслед за солнцем шёл дождь. Его чередовал ветер, он подхватывал прохладу и уносил её дальше, затем вновь наступала жара. Все начали постепенно собираться у фонтана, рядом с которым тянулась вверх горная сакура. Чжень вместе с Сян притащили кучу сорванных яблок.

— Мистер Ке-е-ев-и-ин, просыпа-а-а-а-й-т-есь, — шептала Мизуки нежным голосом, — Чжень и Сян принесли нам поку-у-у-шать.

Мутно разглядывая её, он кивнул и попытался подняться, едва пробудившись от лёгкого сна.

— Аригато, госпожа Мизуки, и что бы я без вас делал? — вполголоса пробормотал он.

— Хэ-э? Спали бы дальше, пока не замёрзли от дождя! — с лёгкой ухмылкой подметила Мизуки.

Он легонько улыбнулся ей и подошёл к остальным. Пока все жевали яблоки, он заговорил первый:

— Ну что, побывали в храме?

— Двери запечатаны, а окна закрыты, — первой ответила светловолосая Фрейя. В её речи слышался лёгкий северный акцент. — Я пыталась в окно пробиться... но оно, блин, припа-

яно. Совсем намертво. Скоро будет ночь. Интересно... сколько ещё ждать? Может, нам самим обосноваться в домах внизу?

— Не самая лучшая идея, — задумчиво отметил Кевин, — вдруг впоследствии у нас будут проблемы?

— Да? И кто же нас остановит, иё? Может, этот глухонемой парень? — с издевкой в голосе воскликнул молодой бразилец.

— Не смейте оскорблять его! — категорично возразила Евлалия, защитив молчаливого спутника. — Если он не умеет разговаривать, это вовсе не повод для насмешек. Кто вы вообще такой, чтобы судить?

— Я, Матеус Габриэль де Оливьера, — с гордостью объявил он, воспевая родословную великих, — прямой потомок самого Оливьера третьего.

Лёгкий смех разнёсся вокруг. Его инфантильная важность невольно забавляла остальных.

— Ну всё, ребят, нам конец, — подыграла Розали, — если он действительно потомок какого-то третьего, то я, значит, официальная наследница того парня, что в 1720-м обделался на казни.

— Какие мы важные, ой-ой-ой, — Евлалия махнула рукой, — мог бы просто назвать своё имя. Не видишь, нам плевать?

— Caramba... да что вы понимаете! — обозлённый Матеус отошел в сторону.

Евлалия подошла к глухонемому парню невысокого роста. Тот взглянул ей в глаза и широко засиял. Он сжал кулак, раскрыл ладонь и слегка поклонился. Искренне, без слов. Большой шрам на его голове, доходивший до лба, подчёркивал харизму, а янтарно-зеленоватые глаза источали удивительную позитивную энергию, словно свет маяка в ночи. Она нежно наклонилась ему навстречу.

— И хорошо, что ты не слышишь этого дурака. Меня зовут Евлалия. Не знаю, читаешь ли ты по губам, поэтому смотри! Ев-ла-ли-я. Или просто Ева! — пробормотала она, оглашая каждое слово с чёткостью.

Парень улыбнулся, покачав головой. В этот момент в разговор решил вмешаться Чжень.

— Зачем ты так кричишь на него с такой рожей? — отодвинул он её, — Он ведь ничего ни панимает. Дай-ка я! Ты ме-ня с-лы-ши-и-и-и-и-шь?

— Баран! Не видишь он глухой?! — Евлалия дала щелбан по лбу Чжену, — тут видать сборище одних идиотов! И куда это я попала...

Чжень, разгорячённый и раздражённый словами, бросил на Евлалию взгляд, когда Кевин попытался унять накал страстей. Вальтер наблюдал за переполохом со стороны и, кажется, не до конца понимал, что происходит. В один миг, он, подойдя ближе, взял Кевина за руку чуть ниже плеча. Он замер, как будто невидимая сила пронзила его, и его глаза засияли странным светом. Тогда же, он тут же вскрикнул:

— Вальтер!

Мгновенно наступила тишина, и все обернулись.

— Чё орёшь... какой ещё Вальтер? — отрывисто спросил Чжень.

Немой парень наклонил голову, подтверждая жестом.

— Вальтер? Тебя зовут Вальтер? — переспросил Кевин.

Он смягчил лицо, протянув руку, как знак молчаливого согласия.

— Но... как ты узнал об этом? — спросила Фрейя, с недоверием в голосе.

— Я не знаю... он ничего не говорил, просто... он нашептал это прямо в моей голове! Это... магия! — воодушевлённо воскликнул Кевин.

— Бла-бла-бла... — поддразнивал Матеус, — ещё скажи, что ты веришь в астрологию и прочую мутотень? Короче. Не знаю, как вы, но мне кажется, пора забраться в этот домик.

— Не смей влезать в него! Это не просто домик, а священный храм! — вновь вмешалась Евлалия.

— Священный храм, пф, — съязвил он, — а что ты мне сделаешь? Нет, все вы? Или может наш немой друг мне помешает? Эй, немой шкет, ты, наверное, против, да? Оглянитесь, мать вашу! Мы в горах. Тут с каждой минутой становится холодно. Хотите сдохнуть от холода? Я-то уж точно нет.

Матеус, не слушая предупреждения остальных, двинулся к большим каменным стенам храма. Он попытался подтолкнуть их, но их вес во множество раз превышал его собственный. Тогда он устремился к запертым окнам, желая найти иной путь внутрь. Несколько спутников поспешили отговорить его, но он не слушался, уверенный в своей правоте.

— Если эти худошавые монахи могут открывать их, что получается, я не смогу? — заговорил Матеус сам с собой.

С новой силой он начал толкать двери. Когда его последние силы иссякали, он с последним размахом ударил рукой по холодному камню, но сама инерция отразила его удар, и он рухнул на землю.

— В тебе столько злобы... негоже такому пылкому сердцу противостоять целому храму, — раздался ровный, проникновенный голос из глубин тенистых деревьев. Из зарослей вышел высокий монах с выбритой головой. На его шее сверкало ожерелье с символом воздуха, а в движениях было спокойствие человека, которого трудно вывести из равновесия, — взгляни на себя, божье создание... и откуда в тебе столько гнева?

— Да чтоб вас! — хлётко вскочил Матеус, — я так и знал, что храм закрыт! Лучше бы сразу инструкцию написали, или таблицу бы повесили: "время работы с никогда до... э-э... до... в общем, плевать."

— О, молодая душа! Ты глубоко ошибаешься, — распахнул руки пожилой мужчина, — храм всегда открыт. И он открыт тем, кто открыт ему. Тобой руководит гнев, а ведь именно он очерняет наш разум.

— Вы типа чё, книжек начитались и умными словами меня запугать хотите?

Монах улыбнулся и не ответил ему. Подойдя к массивным каменным дверям, он приложил руку к нажимной пластине. Тихим звуком двери распахнулись, и перед всеми открылся внутренний мир здания, полный разных реликвий. Матеус был сильно поражен, остальные гляделись в красоты храма.

— Я приветствую вас на этой земле Тихого Ветра, — произнёс монах, — Меня зовут Сангчен. С завтрашнего утра начнётся ваше обучение. Здесь вы будете учиться у нескольких наставников, а главное, у самих себя. Прошу лишь об одном: уважайте это место, друг друга и путь, на который вступили. Чуть позже мы покажем, где вы будете жить. Мужчины и женщины расположатся отдельно, но обучаться вы будете все вместе. У души, как правило, нет пола. Прошу понять и принять одну вещь. Любой физический или интимный контакт приведёт к жёсткому наказанию или даже изгнанию. Однако это вовсе не значит, что любовь запрещена.

— Минутку, а это как понимать? — встрял Чжень.

— Дай ему досказать, дурень! — шикнула на него Евлалия.

Сангчен наклонил голову, сдерживая мягкую улыбку.

— Всё раскроется в своё время. Вам следует знать сейчас, что за любое нарушение установленных правил, вы можете быть изгнаны навсегда. Здесь запрещены сквернословие, алкоголь, курение, мясо, техника и самовольный уход с территории. Вам предстоит сдать телефоны, все устройства связи, цепочки, кольца, и даже часы, если вы их носите. Я надеюсь, вы были предупреждены заранее.

— Вай... нам и с родными нельзя будет поговорить? — взволнованно спросила взрослая женщина, которую Кевин принял за чью-то мать.

— Придёт время, и вы сами откажетесь от этой возможности, — монах покачал пальцем, — Прошу, оставьте ваши вещи у фонтана. Мы аккуратно разложим их и вернём, когда ваше обучение подойдёт к концу. Ох... совсем забыл. Кое-кто уже успел пособирать яблок в нашем саду. Прошу вас, не делайте этого.

— Мы проголодались... простите учитель... я хотел спросить, а как же мы будем знать, сколько сейчас времени? — вмешался Кевин.

— О, юные души, здесь вы научитесь и не такому.

— Подождите-ка. С алкоголем ясно, с курением понятно, но мясо...? Сага, я без мяса вообще не живу! Может, ну хоть иногда, бывают исключения? — выпалил Матеус.

— Мой юный злой-южанин. Если ты хочешь научиться великой мудрости, придётся отказать от старых привычек.

— Уё... ладно-ладно. А вот... ну... вы сказали про... э-э-э... физический контакт. Что, прям даже трогать никого нельзя? — снова обратился Матеус.

— Завтра вы всё узнаете и получите все ответы на ваши вопросы, — взмахнул рукой монах, — а теперь, прошу, сдайте лишние вещи. Я проведу сначала женщин в их дома, затем мужчин. Вам, мужчинам, придётся подождать.

— А чиво это женщины идут первые? Вы же сказали у души нет пола? — проворчал Чжень, Евлалия дала ему пинок.

— Мы как-никак джентльмены, а не изверги, — ответил монах, — женщин и старших нужно уважать в первую очередь.

— Ну да, конечно... джентльмены! Это явно какой-то китайский монах. Его, что, на рынке труда нашли? — подшутил Матеус.

— Ещё слово и я тебе врежу! — Розали сильно разгневалась.

— Тише, дамочка, мы с тобой ещё пошалим, — Матеус флиртом заиграл с ней, но она отвернулась и ушла в сторону.

Сангчен повёл женщин к их новому жилищу. Матеус решил незаметно проследить за ними. Кевин пытался отговорить его, но пылкий характер бразильца не слушал никого. Мужчины расселись у каменных ступеней храма. Чжень и ещё один китаец до этого о чём-то яростно спорили – то ли об условиях, которые выдвинул монах, то ли о том, что они будут делать в свободное время. Вальтер, глухонемой юноша, бродил вдоль дорожки, аккуратно обрывая с деревьев листья.

Фасад храма был обращён к лестнице, по которой поднялись ученики, а противоположная сторона смотрела на восток. Солнце к этому времени почти коснулось горизонта, и краски неба переходили в тёплые оранжевые оттенки. Кевин, изнывая от бездействия, заметил, как его ноги дрожат от усталости и напряжения последних дней. Его внимание привлёк яркий блик, пробившийся сквозь листву. Тонкий луч света отразился на нём из ниоткуда. Он подошёл ближе к фонтану, который умиротворённо журчал в центре двора. Там, посреди водной чаши, стояла небольшая статуя неизвестного монаха. На его голове, прямо у лба, был укреплен небольшой красный камушек. Вероятно, именно он и отразил луч заката. Из кустов вдруг вышел довольный бразилец.

— Эй, amigos, — заговорил он со всеми, — не хотите узнать, где у нас тут девки живут?

— Тебе заняться нечем? Ты вообще, как тут оказался? — ворчливо ответил Кевин.

— Да ладно тебе, типа ты у нас не любишь женщин? Хочешь сказать, ты сможешь продержаться без них целый год? А та девка была права... ты и правда ботаник... — с издёвкой ответил Матеус.

— Я пришёл сюда не женщин разглядывать. Если бы я думал только о влечении, то остался бы и дома, — объявил Кевин, не поднимая головы.

— Какой интеллигентшишка. Точно ботаник. А спорим что через месяц ты сам побежишь к одной из них... к примеру, к этой... как её там... Мипуки! — с ехидной улыбкой он тыкнул в него пальцем.

— Мизуки, а не Мипуки! — Кевин покраснел и сильно взъелся, — я не собираюсь никому идти!

— Э-хе-хе. Всё ясно. Даю месяц, и ты просто не сможешь удержаться. Знаешь... а она ничего. Я бы с ней тоже замутил.

— Отстань ты уже. Чего тебе от меня надо? — гневался с каждой секундой молодой ирландец.

— Мне? Да ничего. Я спокоен. Очень спокоен... прямо как удав, но готов атаковать в любой момент, вш-ш-ш, — шикнул Матеус, вживаясь в роль змеи.

— Так возвращайся в свой нищий городок и там умничай, или у тебя там просто по-другому не умеют разговаривать?

Матеуса задело его слова, и он ринулся к Кевину. Если бы не Чжень и другой парнишка из Китая, то, вероятно, развязалась бы драка.

— Вот ты ж язва, а? Нам же спать вместе, дебил. Глядишь до утра не проснешься! — пригрозил Матеус.

— Ты сам первый начал! Может заткнешься наконец?! — прокричал Кевин.

— Как это понимать? — появился Сангчен, грозно выступив, — сейчас же успокойтесь! Если вы не можете совладать со своими эмоциями, как же вы собираетесь совладать со своей жизнью? Ещё одно слово, направленное против друг друга, и мы без раздумий выставим вас отсюда!

Они наконец успокоились. Сангчен провёл их в другую сторону, где располагались невысокие дома. Спускаясь по тропинке, мужчины обратили внимание, что склон довольно резкий и пришлось бы прилагать усилия каждый день, взбираясь наверх, обратно к храму.

— Учитель... Сангчен? — осторожно окликнул Кевин.

— Можешь именовать меня Сифу, если твоё сердце так желает, — приглушённо ответил монах.

— А что значит... «Сифу»? — спросили хором Чжень и Кевин.

— С древних времён так называли наставников, не только в боевых искусствах, но и в духовных практиках. Для кого-то я мастер, для иных учитель, но мне ближе всего, когда меня зовут по имени или просто Сифу.

— Харашо, Сангчен. Тогда объясните. Почему у женщин дома находятся по ровной тропинке, рядом с храмом, а наши далеко? — Чжень прикинул расстояние, — Нам придется каждый день подниматься так высоко?

Монах неторопливо вздохнул, припоминая давние предания.

— Поверьте, юные сердца, ваше нынешнее расположение гораздо ближе к вершине, чем у прежних поколений, так что вы вовсе не в обиде. Таковы правила. И правила нужно соблюдать!

— Но... учитель... — добавил Кевин, — у меня сколиоз, да к тому же плоскостопие. Боюсь, столь длинные подъёмы лишь усугубят моё состояние.

Сангчен, остановившись, спокойно произнёс:

— Порой величайшие недуги исцеляются самыми простыми движениями. Ты ещё узнаешь, как шаги могут исцелять и тело, и разум. Верь мне, а пока... дай себе отдохнуть.

С этими словами они продолжили спускаться по извилистой тропе, пока солнце окончательно не скрылось за горизонтом. Когда луна начала постепенно освещать дорогу, они достигли двух деревянных построек.

— Запомните главное. До утренней зари не покидайте эту территорию. Вас разбудят до первых лучей солнца. Рано начнётся ваш новый день, полный открытий, — обратился Санг-

чен к мужчинам в полутьме, затем он поклонился и, растворившись, скрылся за каменными ступенями.

В одном из домов, небольшом, однако уютном с виду, расположились Кевин, Вальтер, Матеус и Чжень. Второе сооружение заняли двое других парней. Зайдя внутрь уютного домика, они ощутили запах свежесрубленных досок. Дом оказался простым: две комнаты, тесная прихожая с котлом и тонкие стены, через которые гулял ветер. Пол скрипел при каждом шаге. По ночам здесь бывало зябко. Пробежавшись взглядом по дому, мужчины заметили несколько простых лежанок и пару табуретов, вырезанных грубыми резцами. В дальнем углу кто-то оставил небольшую свечу. Когда Матеус зажгёт её, тёплый свет растёкся по комнатке.

— Чьорт, у них даже света нет? Чем же тут зимой греться... — Чжень проверял каждую стену.

— Да во, — указал Матеус пальцем, — будем на котле супы варить. Зато дом целый дом наш!

— Целый дом... айё... теснавато тут, да холодно, — оценивал он собственный комфорт.

— Зато всё наше, хе-хе, — ухмыльнулся бразилец, — слышь, ты же китаец. Завари-ка нам чайку.

— Это ужасный стереотип! — внезапно пропал акцент у Чжениа, как и всегда, когда он злился, — С чего все решили, что каждый китаец умеет заваривать чай?

— Чё споришь? — Матеус немного зарычал, — Э-э-э... вон, там на подоконнике лежат травы. Сварганишь нам чего?

— Вам какой, жасминовый или зелёный? — спросил Чжень, уже разглядывая травы у окна.

— А говоришь стереотип, ха! Да какой хочешь, главное, чтобы от него не воняло. И чтоб ночью в туалет не бегали много. Глядишь Вальтер уссытся и нам придётся всё убирать.

— Да что с тобой? — вмешался Кевин, — Он здоров, просто не умеет говорить!

— Tá bom, tá bom. Se acalma aí... — проворчал Матеус на своём.

Вальтер, как обычно молчаливый, лишь склонил голову набок, наблюдая за реакцией остальных. Матеус в глубине души был рад этому безыскусному жилью: было в нём нечто первобытно-уютное. Чжень разлил всем чашечку чая, после чего все решили занять свои кровати. Кевин решил разделить комнату с Вальтером, а Чжень и Матеус расположились в другой комнате. Из другой комнаты молодой бразилец ворчал о чём-то, судя по интонации, на тему тонкого одеяла, но Кевин давно погрузился в собственный мир дневника.

Записка номер два, Июнь.

Понятия не имею, что нас ждёт завтра. Вероятно, у меня не будет времени писать, поэтому я решил описать свои эмоции сейчас, в предвкушении завтрашнего дня. Я тут подружился с Мизуки. Она говорит, здесь наши жизни сильно изменятся. Не знаю, как это вылечит мой сколиоз и зрение, я уж молчу про свою дистрофию и мою зависимость от алкоголя, но думаю, выбора у меня уже нет. К тому же, я сам согласился на это. Честно признаться, мне немного страшно. А вдруг я не справлюсь? Эх... что ещё сказать... нас не накормили, представляешь? Засранцы такие! Я съел всего два яблока! Мой желудок сейчас так и ноет от голода. Я бы, наверное, съел целый стейк. Даже два. Ха! Вспомнил как мы с тобой однажды поехали в Лондон, искать тот самый легендарный стейк хаус, а в итоге набрали на индусский ресторан. Помню, как тебя потом воротило. А нам вот сказали, что обед будет завтра. Обед! А не завтрак! Знаешь, у нас тут все харизматичные. Розали очень красивая и храбрая, у неё красивые светлые волосы, а голос такой, ухххх. У Фрейи забавные веснушки, она тоже блондинка. Чжень и Сян типичные подростки. Блин голос у Сян такой, как из мультлика, а вот Фрейя довольно странная. У неё голос такой... грубоватый. Она что-то между Евлалией и Розали. Также блондинка... одни блондинки... хотя они все красивые. Бразилец мне сильно досаждал, надеюсь, он успокоится. Зато я в одной комнате с немым. Просто удовольствие.

Никто не будет беспокоить, правда... интересно, если он будет храпеть, как я ему объясню, что он храпит?

– Чуншэн (Перерождение).

(fǎluó) – Раковина-шанкха (морской рог) – её звук напоминает дуновение ветра и символизирует начало нового дня, а также новой жизни.

Глубокой ночью, перед рассветом, когда горы ещё дремали под звёздным небом, зазвучал протяжной гул священной раковины-шанкхи. Его вибрация пронеслась по долине, перекатываясь эхом по склонам, пробуждая всех спящих. Один за другим монахи начинали собираться у храма, в ожидании остальных учеников. Кевин не смог выспаться. Ночные кошмары, которые тревожили его постоянно, не забывали напоминать о себе, и сегодня было не исключением. Матеус с остальными начали подниматься, пытаясь найти место, где можно умыться. Укрытый угол для нужд они нашли сразу, однако умыться было негде. Пока они искали подходящий умывальник, служащий храма, поприветствовал остальных и попросил успеть всех к храму до первых лучей солнца.

— Эй, мистер... как вас там... Сын-Вынь-Пынь... — поддразнил Матеус, — не подскажите, где здесь можно умыться?

— Господа. Моё имя Нагахару, — тот спокойно ответил, — прошу вас, у фонтана вы все сможете умыться. Отныне это место будет вашим местом омовений.

— Фу, какая гадость! — вздулся он, — Мы что, все будем мыть там свой рот? Гляньте-ка на Вальтера, он походу сто лет не мылся. И эта вода крутится туда-сюда?

— Прошу вас, успокойтесь, — спокойным тоном изъяснялся Нагахару, — Мы покажем вам место, где вы сможете очищаться и делать омовение. Вода в фонтане фильтруется. Та, что выходит наружу, идёт из источников, а та, что смывается, омывает землю глубоко-глубоко. Попрошу поторопиться и поспешить к храму.

Небо постепенно рассеивало тьму, и с восточной стороны уже пробивались первые лучи утреннего солнца. Кевин, проснувшись чуть раньше других, надел очки, без которых ему было не разглядеть деталей на расстоянии вытянутой руки. Теперь им предстояло пройти тот же путь, что и вчера: взобраться от деревянного дома, что находился довольно низко у подножья, до храмовых ворот. Поднимаясь по тропе, он невольно подумал о приближающихся холодах. Если сейчас, в середине лета, они с небольшим усилием поднимались вверх, то что же случится, когда придёт зима, с ледяными ветрами и дождями? Эта мысль не приносила ему особого удовольствия. Пока Кевин размышлял, он достиг храма. Навстречу им вышел снова Нагахару. Он учтиво склонил голову в знак приветствия и попросил мужчин подождать женщин на площадке перед входом. Через несколько минут из-за угла появился другой служащий храма, но его заметно отличала прихрамывающая походка. Видимо, отправляться за мужчинами вверх по крутому подъёму ему было бы не под силу. Теперь, объединившись в одну группу, все двинулись за Нагахару и вторым служащим к задней части храма. Когда они обошли здание, прямые лучи солнца ударили в глаза со стороны океана. Впереди путников ждал небольшой крутой уступ, по краю которого располагалась неприметная каменная беседка. Под её крышей в позе Лотоса сидели трое наставников; среди них была женщина.

— Вот-те-на! Баба будет учить нас. Нет, ну это совсем в край! — возник Матеус, но никто не обратил внимания на его вопли.

Трое наставников даже не подняли взгляда на приближающихся, сосредоточенно продолжая внутреннюю медитацию. Тишина этого мгновения сменилась глубоким звуком гонга, доносящегося из глубины храма. Мужчин попросили сесть по правую сторону уступа, а женщин — по левую. Кевина удивило, что именно с правой стороны, где им велели расположиться, сидела женщина-монах, тогда как двое мужчин-монахов находились на стороне, отведённой для женской половины. Он отметил про себя эту необычную расстановку, но ничего не спро-

сил вслух. Рядом с Кевином находился Матеус; вечно нетерпеливый и всегда готовый задать лишний вопрос. Он уже открыл рот, чтобы обратиться к монаху:

— Слышите, маги-экстрасенсы, мы будем сегодня кушать или нет?

Однако Нагахару тут же ударил его по рукам. Диспуты в этот ранний час были неуместны. Солнце как раз поднялось достаточно высоко и оказалось точно за головой Сангчена. Все молча наблюдали за троицей и не произносили ни слова. Кевин заметил на себе взгляд Мизуки со стороны. Поймав её глаза, она улыбнулась и слегка наклонилась. Он наклонился в ответ и увёл взгляд обратно к монахам. Так, они сидели в полной тишине несколько минут, пока бразилец не выдержал и встал с места.

— К чёрту вас! — вскричал Матеус, оборачиваясь к ученикам, — Вы только посмотрите! Сидят, молчат... а нам даже пукнуть нельзя! Мы типа пришли сюда, чтобы молча смотреть на кастинг дублёров для Будды?!

Его слова, звучащие вызывающе, моментально стали вызывать шиканье со стороны остальных, но, как обычно, он не обращал на это внимания. Женщина-монах медленно приоткрыла свои глаза и поднялась. В её спокойствии было что-то пугающее. Она двинулась прямо к нему безмолвно. Пронзительный взгляд её огненных глаз заставил его пожалеть о сказанном. Он сразу же почувствовал дрожь по всему телу.

— Э-э-э... чё тебе? — продолжал он с отчаянием в голосе, — чё уставилась?

Она оказалась возле Матеуса настолько близко, что границы личного пространства были давно нарушены. В то же мгновение он ощутил, как внутри у него всё сжимается от тревоги. Её пылкий нрав и огромная энергия поражали его сердце и душу. При попытке отступить назад, Матеус обнаружил, что упирается в Вальтера, занявшего место у него за спиной. Женщина-монах приблизилась ещё ближе, заставив Матеуса вспотеть и предпринять почти комичную попытку перепрыгнуть через Вальтера.

— Да чё те надо?! — вырвалось у него от страха.

Его лицо стало мрачным от испуга, а глаза метались в поисках спасения. Он хотел оттолкнуть её, но сильно испугался. Жестом, исполненным странной силы и при этом без прикосновений, она приказала ему вернуться на место всего одним пальцем. В её движении не было агрессии, скорее проявлялась сдержанная решимость. Как только Матеус, охваченный непонятным чувством ужаса, опустился на землю, монахиня мило улыбнулась и кивнула.

— Я рада приветствовать вас на сей священной земле Тихого Ветра, — произнесла она негромким, но глубоким женским голосом, проходя мимо учеников, — Моё имя Минг Ю. Сангчен, наш досточтимый учитель, вам уже ведом. Третий Сифу носит имя Гьяцо. Есть и четвёртый мастер, но с ним вы встретитесь лишь тогда, когда придёт время. Буду откровенна. Мы не знаем, где он сейчас. Тем не менее, прошу вас хранить внутреннее спокойствие в ранний час. Вскоре мы приступим к первому испытанию. А пока, предайтесь ощущению мощи природы и постигните гармонию, таящуюся внутри вас самих.

— Я и дома у себя мог помолиться! Может скажете, когда будет обед? — проворчал Матеус.

— Прояви уважение, дубина! И как вообще такой как ты попал сюда! — грубо нашептала Розали.

— Тишина! — резкий окрик Минг Ю пронзил слух каждого.

Зрелая монахиня вернулась на место, отныне заняв центр, сев между двумя монахами, и вновь сомкнула веки. На ней висело ожерелье со знаком воды. Присутствующие ошеломлённо переглядывались, не зная, как реагировать на столь неожиданную развязку. Кевин, заметив взгляд Мизуки, почувствовал, что она тихим жестом предлагает ему последовать примеру монахов, то есть, погрузиться в медитацию. Он кивнул, поблагодарив её одним лишь движением головы, закрыл глаза и попытался уйти в глубины своих мыслей. Вальтер, увидев это, немедленно подражал Кевину, а за ним и остальные, цепочкой, один за другим предавались

сосредоточению. Но Матеус, как всегда неугомонный, испытывал душевный сумбур. Он то и дело распахивал глаза, замечая, как вокруг царит удивительное безмолвие.

— *Pelo amor de Deus!* — воскликнул Матеус на своём, вскочив, — Когда закончите молиться, позовёте меня! Мне тут делать нечего!

Женщины, вздрогнув, отшатнулись от неожиданного рёва. Он поспешно ушёл прочь, выбрав прямой путь к домам. Оставшиеся открыли глаза, проводив Матеуса взглядом. Тишина на мгновение наполнилась тревогой. Но тут Минг Ю, не поднимаясь и не меняя позы, произнесла мягким, глубоким голосом:

— Ц-ц-ц... люди не совершенны. Никто не идеален, и потому вы пришли сюда. Мы принимаем вас такими, какие вы есть... молю вас, не осуждайте сумасброда. Он сам вернётся, когда исполнится его час. А ныне прошу вас, не нарушайте безмолвия и покоя нашей тишины.

Вновь закрыв глаза, монахиня вернулась вглубь собственного мира. Остальные послушно склонили головы, принимая её совет и вновь погружаясь в безмолвное созерцание. Наконец, когда солнце поднялось ещё выше, из храма раздался ещё один удар гонга. Минг Ю открыла глаза и терпеливо начала ожидать пробуждения от остальных. Постепенно остальные возвращались из глубокого подсознания, но она никого не торопила, лишь спокойно ожидала. Вальтер оставался последним, кто не открыл глаза. Ещё минут десять все ожидали его “возвращения”. Тут же Кевин захотел прикоснуться к нему.

— Не смей! — грубо прозвучал голос монахини.

— Но... учитель, — вымолвил Кевин, — нам кажется, он глухонемой. К тому же Вальтер может просидеть так целую вечность.

— Вальтер? Какое дивное имя, — тон её неожиданно смягчился, — Так познайте же. Нельзя касаться его. Ибо если ты проходишь мимо спящего человека или животного, разве станешь ты тревожить его покой без веской причины? Если ему предназначено обрести упокоение, то да свершится так. И так будет всегда.

— Учитель, а что, если он будет так сидеть до самого вечера? — присоединилась к беседе Розали.

— В таком случае, мы пребудем здесь до самого вечера. Каждый из вас имеет частицу чего-то высшего, неделимого целого, мозаики сего мира. Каждому надлежит пройти через это. Наш безмолвный друг первым постиг многое, — строго изрекла она.

— Я пулну в этого чудика камушек, если он не очнётся через минуту, — прошептала Розали так, чтобы та не услышала.

Остальные похихикали и умолкли, заметив на себе взгляд учителя. Вальтер долго сидел без движения, погружённый в молчаливое созерцание, пока Кевин незаметно подтолкнул его за плечо. Тот очнулся и удивлённо замотал головой. Этим он привлёк к себе внимание Минг Ю. Она неспешно поднялась. Подойдя к Вальтеру, она сделала несколько знаков, надеясь объяснить на жестах, но юноша лишь развёл руками, не понимая её. На миг в её взгляде сверкнула лёгкая досада, но, вздохнув, она наклонилась к нему и вернулась на своё место. Тогда встал Гьяцо — один из трёх наставников. Гьяцо оказался невысоким лысым стариком с крепкой осанкой и удивительно живым взглядом. Он поклонился ученикам и обвёл их внимательным взглядом. Было заметно, что все трое монахов отличаются крепким телосложением и молодой энергией, будто годы не оставили на них своего отпечатка. Кевин вспомнил, как кто-то шепнул ему, что Сангчену уже за семьдесят. И всё же этот человек выглядел удивительно бодро. На шее Гьяцо сверкало несколько символов: Кевин среди них узнал лишь знак земли. У Минг Ю, как заметили остальные, кроме ожерелья со знаком воды, в отличие от остальных монахов, на безымянном пальце был красивый перстень. Его камушек был голубого цвета. Её волосы, хоть и были частично выбриты у лба, оставались длинными и распущенными, играя золотистыми бликами на солнце. Гьяцо перевёл дух и обратился к собравшимся:

— Я приветствую вас на этой священной земле Тихого Ветра. У вас наверняка много вопросов: почему нас трое, где четвёртый Сифу и каким будет ваш путь. Ответы придут постепенно. Сегодня вам достаточно знать одно: здесь вас будут учить не только силе тела, но и принятию себя, — он слегка развёл руками, — у каждого монастыря своя дисциплина и свои традиции. Наши учения сильно отличаются от остальных, потому и наш храм самый востребованный в мире. Неспроста сюда пытаются записаться десятки тысяч учеников каждый год, и лишь немногие, то есть двенадцать, бывают удостоены такой награды. Ученики нашего храма всегда получают необыкновенные испытания, которые пройти порой не так уж и просто. Здесь нет места злости и гневу, нет места порочным пристрастиям. Некоторые из вас принадлежат к разным религиям, а кто-то вовсе не верит ни во что, кроме собственного опыта. Поверьте, мы не станем обращаться к вашей душе, это ваш личный выбор, и мы уважаем его. Если вы хотите молиться, держать пост — это ваше право. Мы не запрещаем этого. Но вы должны уважать друг друга. То, чему мы хотим научить вас, не найти в книгах, как и не найти в людях. Итак, я полагаю, мы можем начать. Вы должны переодеться в наши робы, пожалуйста, пройдите в храм, возьмите одежду по размеру. Наши дамы идут первые.

Пока женщины ненадолго удалились, чтобы переодеться, Кевин заметил, как один из местных служащих осторожно несёт на подносе множество керамических чашек. Подойдя к месту, где восседала монахиня, служащий аккуратно расставил три чаши перед ней и принялся наполнять каждую прохладной водой из необычного графина. Когда три чаши наполнились, он передал их Гьяцо, Сангчену и самой Минг Ю. Те склонились в знак благодарности и поставили чаши перед собой. Женщины вернулись уже в новых одеждах, светлых, свободных, подчеркивающих их женственность. Мизуки поймала взгляд Кевина, тихо хихикнула и смутилась, наклонив голову. Он тоже ощутил внезапную неловкость, быстро отведя глаза. Все представительницы прекрасного пола были облачены в наряды солнечного жёлтого цвета. Затем удалились мужчины. Им предложили выбрать одежду двух оттенков — красного и оранжевого. Кевин взял себе красный наряд, ибо другие размеры ему не подходили: он был самым невысоким и худощавым в группе, тогда как остальные предпочли более просторные оранжевые одежды. Вернувшись, каждый опустился на циновку, приготовившись слушать. Служащий обошёл круг, вручая каждому наполненную до краёв чашу. Фрейя захотела отпить глоток воды, но Минг Ю лишь качнула пальцем, давая понять, что делать этого не следует. Потому все оставили чаши перед собой. По обе стороны от неё расположились Гьяцо и Сангчен. Минуты текли в полной тишине, и лишь спустя короткую паузу, наставница обратилась к присутствующим:

— Ваше первое задание, — заговорила она как обычно негромко, но её голос прозвучал глубоко и ясно. Минг Ю приподняла свою чашу, тоже наполненную до краёв, и вытянула руку вперёд. Гьяцо и Сангчен тотчас повторили её движения, застыв в статической позе, — называется «Страх и приобретение». Прошу вас, поднимите ваши чаши на уровень ключиц. Когда все приготовитесь, я оглашу, что последует за этим.

Одни взяли чашу в левую руку, другие в правую. Когда все оказались готовы, монахиня глубоко вдохнула и слегка прикрыла глаза:

— Ваше сегодняшнее задание... не пролить ни капли воды в течение одного часа. Держите чашу мягко, но и не расслабляйтесь слишком. Пусть она станет продолжением вашей ладони. И всё же, помните, ничто в этом мире не принадлежит нам по-настоящему. Вода, что сейчас вы держите, может исчезнуть в любой миг, и наши усилия не всегда в состоянии этому помешать.

— Эээ? Учитель, разве такое возможно? — сразу же воскликнул Чжень с сомнением. Остальные пошатнулись, понимая, что не справятся с таким заданием.

— Никаких э! Я не требую от вас рассуждений о том, возможно ли это, — ответила она размеренно, не открывая глаз, — я лишь повелеваю вам удерживать воду, не пролив ни единой капли, ровно один час. Время началось. Внемлите тому, что покоится в ваших руках. Храните

безмолвие и не покидайте своих мест. Если хоть одна капля сорвётся, последует соразмерное наказание. Мы с Гьяцо и Сангченом станем исполнять то же вместе с вами. Служители будут зорко наблюдать за каждым из вас.

Ученики сконцентрировались на своих чашах. В первые секунды удерживать сосуд, вес которого был не больше спелой груши, казалось делом пустяковым. Но шли минуты, и едва уловимая дрожь начинала мучить руки всех, кто изо всех сил удерживал чашу. Они почувствовали, как по спине пробежал холодок, а ладони становились влажными. Чжень и другие представители китайской делегации, похоже, не ощущали никакого напряжения. Вальтер и вовсе прикрыл глаза, погружаясь в глубокую медитацию. Кевин обернулся к женщинам, и на миг позволил себе чуть-чуть расслабиться. Многие из них выглядели встревоженными, и во взглядах виднелся один и тот же вопрос: как долго ещё тянуть эту пытку и что будет, если они сорвутся. Ведь никто так и не пояснил, какое наказание может последовать за пролитую воду. Шла примерно пятнадцатая минута. Нельзя было даже приподняться, чтобы стряхнуть ноющую боль из мышц. Чжень, который до этого выглядел вполне спокойным, тоже начал беспокойно вертеть головой. Его поза оставалась прежней, но он начал дрыгаться на месте. Неподалёку Евлалия склонилась к Фрейе, что-то тихонько шепнула ей на ухо, и они обе переглянулись. Возможно, они делились советом или искали способ, как ещё хоть немного выдержать это непростое испытание. Рука у Кевина так затекла, что он едва сдерживал дрожь. Повернув голову, он бросил взгляд на троицу монахов: Минг Ю, Сангчен и Гьяцо всё так же сидели в безупречной неподвижности, с закрытыми глазами. Их руки крепко удерживали чаши, и не было заметно ни малейших усилий или усталости. Служащие пристально наблюдали за всеми.

— Псс... Чжень... слышишь? — шикнул Кевин, пытаясь не выдать себя.

— Чё тебе? Ни отвлекай меня! — отозвался Чжень так же незаметно.

— Я больше не могу! Это невыносимо! — проговорил Кевин сквозь сжатые губы.

— Ты думаешь мне зашибись? Я уже дышу через задний проход! — отшутился в ответ китаец.

Минг Ю слегка приподняла свою чашу. Выглядело так, словно она собирается сказать нечто важное. Все разом уставились на неё. Монахиня сделала короткий выдох, затем неожиданно перевернула чашу, и вода спокойно пролилась на землю. Гьяцо и Сангчен сделали то же самое. Собравшиеся в изумлении обменялись взглядами. Многие так и не осознали, что произошло. В ответ на жест монахов служащий без единого слова подошёл и снова наполнил их чаши. Это выглядело как издевательство для учеников. Минг Ю, не подняв при этом свою чашу вновь, посмотрела на присутствующих, наблюдая, кто из них сможет прочесть истинный смысл в её действиях. Некоторые успели разозлиться из-за того, что она опустила свою чашу, а им пришлось оставаться в той же позиции. Затем монахи снова подняли свои руки. Первой сорвалась Евлалия. Она не выдержала и уронила чашу. Минг Ю лишь краем глаза заметила это, но не подала виду и продолжила сидеть молча. Вторым был Кевин. Спустя минуту невыносимая боль заставила его бросить чашу. Через ещё несколько минут рука Чжэня перестала его слушаться. И так, минута за минутой, каждый терял свой баланс. В итоге очередь дошла до Вальтера. Он был последним, кто спокойно держал чашу и не двигался. С закрытыми глазами, словно всё ещё витая в облаках, он слегка наклонился. Минг Ю спокойно встала и медленно подошла к нему.

— Учитель... простите... я не смог выдержать этого... — слова Кевина вырвались из него как признание в великом грехе.

Но Минг Ю не слышала его. Она неторопливо подошла к Вальтеру, всё ещё сидевшему в глубоком молчании. Опустившись рядом, монахиня мягко коснулась его плеча. Вальтер вздрогнул и открыл глаза, словно пробудившись от долгого сна.

— Сколько же боли и страданий ты носишь в своём сердце, — произнесла Минг Ю негромко, — и всё же ты научился тому, чему иные учатся долгие годы. Ты принял всё, что даёт тебе жизнь, и отпускаешь груз, что невидимо тянет тебя к земле. Невероятно.

Минг Ю жестом показала ему, что можно испить той воды из чаши. Вальтер сделал глоток и ощутил прохладу. В следующую секунду спокойствие этого мгновения нарушил резкий голос Евлалии, сидевшей чуть дальше:

— Вы сказали, что любые прикосновения строго запрещены, а теперь сами касаетесь нас? Разве это не против ваших же правил?! К тому же вы и сами пролили чашу, а нас заставили её держать и дальше! И чего это Вальтеру можно пить, а нам нет?!

Монахиня обернулась к ней сухо.

— Правила созданы для того, чтобы помочь нам постичь суть вещей, а не для того, чтобы сковать нас, — ответила Минг Ю мирно, обращаясь не только к Евлалии, но и ко всем остальным, — когда прикосновение служит исцелению, а не желанию властвовать, оно не нарушает ни одного из истинных законов.

Её ответ никак не удовлетворил Евлалию. Она вернулась на своё место. Самостоятельно налив воду в чашу, она протянула её вперёд.

— Это упражнение ярко показывает, — снова заговорила монахиня, — сколь глубоко вы страшитесь самих себя. Сколь сильно властвуют над вами ваши же страхи. Вы полагали, что обязаны удержать чашу любой ценой, что за малейшую пролитую каплю последует кара, и тем самым возложили на себя непосильное бремя. Я не запрещаю вам переменить руку и опустить чашу к стопам. Вы могли свободно переложить её в иную длань, но вы мыслили об ином. Вы боялись не воды. Вы боялись наказания.

— Получается теперь вы всех нас накажете, кроме Вальтера? — решился прервать Кевин.

— Это ложное заключение, — выговорила она медленно, — вы уже наказали себя сами. Я лишь произнесла слова, а вы превратили их в тяжёлый якорь. Подумал ли хоть кто-нибудь о том, как освободиться от этого страха? Как же просто было принять, сменить руку, или дозволить воде пролиться и в том не было бы никакой катастрофы. Вот и ваш первый урок. Ныне вы постигли, что бояться утратить то, что и без того утекает меж пальцев, глупо. Глупо помышлять о тысяче вещей, лишённых всякого смысла.

— Uno momento! — и снова возразила Евлалия, — да вы издеваетесь! Специально сказали, что будет наказание, чтобы мы тут потели, а теперь всё свалили на мудрость?!

— Это вовсе не издевательство... — смягчилась Минг Ю и выдохнула, — это демонстрация вашего собственного ума. Я лишь произнесла слова о наказании, но не уточняла, каким оно будет, когда оно наступит и наступит ли вообще. Всё остальное вы додумали сами, своими сомнениями. А ведь это лишь начало. Помните, что мне не нужно вас наказывать или мучить. Вы делаете это сами, когда позволяете страху завладеть вами. Взгляните на Вальтера, вашего друга. Его недуг оказался его союзником. Всё, что он понял — это держать чашу и не пролить воду. Он не услышал моих слов о наказании, поэтому так был спокоен.

Монахиня прошла мимо учеников, и встала у небольшого склона. Отсюда открывался вид на бескрайний океан. Глядя на него, она громко произнесла:

— Ученики! Выразусь простыми словами. Ваш путь продлится год. Это будет четыре сезона, четыре стихии, четыре этапа. Вода лишь начало и перерождение. Моя задача научить вас спокойствию, прежде чем осень проверит вашу силу. Каждый сезон будет включать задания, укрепляющие и тело, и дух. В некоторых сезонах будут особые испытания, в которых ваша жизнь может оборваться...

— Обо... чё? — прервала монолог Розали. — Мы типа, что, можем сдохнуть?

— О-хо-хо, — покачала головой монахиня, — Придётся учить вас и манерам, но я оставлю это на Чен Линя. Да, ученица, всё именно так. Не забывайте, что жизнь при любом

её раскладе, где бы вы ни находились, в пути или дома, может оборваться в любой миг. Вы должны были осознать это давно, однако я не хочу пугать вас заранее. Всему своё время.

— Нет, постойте... — вмешалась Евлалия, — а что такого будет в следующем сезоне, что мы можем умереть? Мы на такое не подписывались!

— Прошу вас, — пыталась утихомирить учеников Минг Ю, — не думайте о том, что будет завтра. Думайте о том, что происходит сейчас. Да, этот год будет непростым. Вы увидите многое. То, чего не видело множество людей на этом свете. Но, для начала мы хотели бы познакомиться с вами поближе. Сейчас Такахару принесёт рулон бумаги, камни и чернила для каждого из вас. Когда вы раскроете рулон и возьмёте кисть, ответьте на бумаге одним словом: как бы вы охарактеризовали себя? Конечно, можете написать и больше одного слова — это ваше право. Но бумага имеет границы, значит, места у вас не так много.

Такахару, брат Нагахару, раздал каждому короткий рулон и по два увесистых камушка, а вместе с ними кисть и чернила в маленькой колбочке. Когда ученики развернули свёртки, оказалось, что места на бумаге хватит разве что для крохотного пейзажа или пары строк. Почему же тогда Минг Ю попросила написать всего одно слово, оставалось загадкой. Негромкий шёпот пролетал среди собравшихся. Фрейя и Евлалия, кажется, уже успели подружиться, а Мизуки без умолку беседовала со зрелой женщиной из Азии. В это время Кевин вполголоса пытался растолковать задание Вальтеру, но тот лишь улыбался в ответ, не совсем понимая, о чём речь. В конце концов, Кевин просто показал ему, что делать, тогда Вальтер аккуратно вывел на бумаге нечто своё. Монахи не вмешивались и кажется, не возражали против тихих разговоров.

— А зачем нам камни? — поинтересовался Чжень.

— Чтобы унитазы строить! — выкинула Сян, — што за тупой вапрос!

— Разве вам удобно всё время придерживать сворачивающуюся бумагу? — отозвалась Минг Ю с теплотой, — положите по камню с каждой стороны, и у вас освободятся руки.

— А почему нам всем просто нельзя назваться по очереди и так познакомиться... зачем вообще писать всё это? — недовольно спросила Фрейя.

— Скоро вы и сами всё узнаете, — ответила Минг Ю.

Ученики, облегчённо вздохнув, так и сделали. Кевин тем временем долго не мог решить, что написать. Он украдкой поглядывал на соседей, пытаясь найти подсказку. «Что бы про меня сказала мама? А друг?..» — мучительно думал он. — «Я ведь бездарен, наверное... хотя нет, я умею рассказывать истории! Вот что отмечу!». Решившись, он взял кисть и с явным вдохновением принялся строчить целую фразу, напрочь забыв, что велено было всего одно слово. Чжень и его приятели из Китая быстро закончили и отложили кисти. Вальтер, написав что-то, тут же свернул рулон, не давая никому заглянуть в него. Кевин, пытливо выпрямившись, потянулся к свитку Вальтера, но тут же рядом возникла Минг Ю:

— Прошу, не вторгайтесь в чужое пространство. Скоро у всех вас будет возможность узнать друг друга лучше.

Её взгляд был строг и Кевин смущённо отдёрнул руку, понимая, что не стоит спорить. Когда все закончили, Такахару собрал свитки у каждого, и передал их мастерам. Разложив их все перед собой, Минг Ю начала по очереди открывать их.

— Сейчас я буду показывать свиток всем присутствующим. Тот, кому будет принадлежать данное писание, попрошу назваться по имени, сказать откуда вы родом и почему вы решили написать именно это.

Монахиня потянула первый свиток. Приоткрыв его, она увидела кандзи.

— Мы все тут говорим на английском, но я уважаю любой язык. Кому принадлежит этот свиток? Заодно расскажи для тех, кто не понимает, что здесь написано, — произнесла спокойно Минг Ю.

— Это мой свиток, учитель. Меня зовут Чжень, — привстал он и громко заговорил, — я из провинции Хайнан. Это малиновая провинция Китая. Мне двадцать. Я сюда приехал са

своей сестрой. Эти кандзи означают Чжень Чжи Дао (###), а именна прабуждение, стремление и путь. В них маё имя. Я написал это, потому что всегда иду вперёд и никогда не абарачиваюсь назад. А ещё я никогда не сдаюсь. Паэтому со мной даже нет смысла спорить.

— Благодарю вас, ученик Чжень. Можете присесть. Итак, — Минг Ю потянула второй свиток остальным, на котором тоже были кандзи – "обычная простофиля." — Кому же принадлежат эти слова?

— Соо-э... мне, Сифу, — стеснительно произнесла японка, — меня зовут Мизуки. Я родилась в Киото, в маленькой деревушке. Не знаю, что сказать о себе. Ано-о... мечтаю однажды найти свою любовь. Я действительно простая хитто, а ещё я очень скучная! Но я рада находиться здесь, среди вас, Сифу, аригато, — наклонилась она в знак благодарности. Минг Ю наклонилась в ответ.

— Благодарю вас, ученица Мизуки. Люди отнюдь не могут быть скучны, — она раскрыла третий свиток, и показала остальным, — я вижу снова кандзи. Итак, попрошу пояснить нам, что они означают и кому принадлежат.

— Моё имя Чжао, — прозвучал глубокий и выразительный голос. Молодой парень с чёрными волосами и хитрым взглядом приподнял голову, — Чжао является фамилией, хотя... родители решили назвать меня именно так. Я из Сингапура, правда последние годы я провёл в Англии. Эти кандзи означают свободу и любопытство (## ##). С детства проявляю интерес к разным культурам и очень хотел бы посетить все страны мира.

— Благодарю вас, ученик Чжао. У вас прекрасный голос, — проверяя четвёртый свиток, и показав остальным, — интересно... кто же ты, молодой искатель приключений?

— Айё-ё-ё! Эта мой почерк. Меня зовут Ся-я-я-я-н. Я сестра Чженя. Он во-о-о-о-н там сидит, — указала она пальцем на брата, — мы оба радились в одной провинции. Ха! Я написала искатель приключений, патаму што всегда любила экстрим. Хачу абрести дзен в этом месте, Сифу.

— Благодарю вас, ученица Сян, в вас течёт много энергии, — открыв пятый свиток, монахиня удивилась, но скрыла эмоции, — кто же мог написать подобное? Отзовись, ученик.

— Я, — подняла руку Евлалия, заговорив низким голосом, — меня зовут, экхм, Евлалия. Моё имя довольно редкое, поэтому можете просто звать меня Ева.

— У нас тут нет сокращений, ученица Евлалия. Мы все будем называть вас полностью по имени, как дано вам с рождения, — ответила монахиня.

— Ох... вам виднее. Я родом из Испании, capisce? Своё детство я провела в Италии. Когда люди слышат моё имя, совсем не верят мне. Я написала на листе — "проблемы на задницу и бунтарский дух", потому что всегда говорю людям всё прямо, но почему-то все на меня обижаются, что создаёт мне вечные проблемы. Поэтому люди не очень-то и любят со мной говорить. Однажды меня так ударил парень в автобусе, за то, что я сказала какой он грубиян, что не уступил место старушке. В ужасном и несправедливом мире мы живём, а мужчины только и создают проблемы нам, женщинам.

— У нас ещё будет время порассуждать об этом мире, мужчинах и женщинах, ученица Евлалия. Я благодарю вас, — открыв шестой свиток, — какой красивый и удивительный почерк, кто же это?

Тишина и молчание воцарились вокруг. Через несколько секунд голова каждого начала оборачиваться в сторону Вальтера. Он смотрел в облака, разглядывая птиц, сквозь пелену листьев, и не заметил, как Минг Ю открыла свиток в его сторону. Кевин подтолкнул его, и он, увидев свои писания, тут же улыбнулся, поклонившись. Минг Ю поклонилась в ответ.

— Я слышала, как вас все зовут Вальтером. Наш ученик решил написать всего два слова. Красота и искренность. Прекрасно. Он даже не понял задания и просто написал это. Как я понимаю, вы меня не слышите, — глядела она в глаза Вальтера, — надеюсь вы поймёте, что

я благодарю вас, — открывая седьмой свиток, — ох, уж, сколько ошибок. Прошу отзовись и представься ученик.

Руку вытянула взрослая женщина, сидевшая рядом с Мизуки.

— Ну... я-я... плохо пишу на английском, простите, — прозвучал неуверенный, но уютный женский голос, словно матери нескольких детей. Слегка упитанная женщина лет пятидесяти немного привстала, — хотела на корейском, но Мизуки сказала, что меня возможно не поймут. Меня зовут Айлин-Сора или просто Айлин. Я родилась в Казахстане, но прожила много лет в Южной Корее. Там написано, что страдания ведут к желаниям. Я потеряла много родных в своей жизни, и всякий раз, когда желала только лучшего, случалось всё наоборот. Сюда меня отправил родной брат. Я рада находиться здесь, среди вас, — наклонилась она. Минг Ю, как и обычно, наклонилась в ответ.

— Благодарю вас, ученица Айлин-Сора. Здесь вы сможете обрести гармонию, и отпустить ушедших родных, и пускай Господь смилуется над их душами, — открыв восьмой свиток, — и снова кандзи. А вы, ученики, меня не перестаёте удивлять. Какой красивый почерк. Кто же ты, художник?

— Соизвольте представиться, меня зовут Чен-Алекс, — он встал грациозно. Худощавый и харизматичный парень высокого роста сразу вызвал любопытство у Сян, — У меня тоже двойное имя. Я родился на севере Китая, но мои корни уходят глубоко в Англию. Являюсь переводчиком с разных языков и руковожу культурными мероприятиями. Эти кандзи означают мир и ненависть. Я люблю жизнь, но она давно осточертела мне, поэтому я решил записаться к вам, Сифу, — он наклонился. Минг Ю наклонилась в ответ.

— Благодарю вас, ученик Чен-Алекс, здесь вы сможете отпустить негативные мысли, — открыв девятый свиток, — это французский? Я, к сожалению, не владею данным языком. Прошу представиться и перевести писание.

— Excuse-moi... я Розали, — взвилась она резко, и её мощная аура тут же окрасила лица. Невысокая, но красивая блондинка привлекала внимание всех мужчин и даже женщин, — я из Канады. Мои родители французы, вот я и решила написать что-то на французском. Там написано – «Rêver, c'est le bonheur, attendre, c'est la vie», означает – мечтать это счастье, а ждать это жизнь. Это слова моего любимого писателя Гюго. Думаю, вы о нём слышали. Решила как-нибудь выделиться среди всех, ну... je suis rebelle, ха! Экстрималка на максималках!

— Благодарю вас, ученица Розали, это действительно красивые слова. У вас сильная энергетика, — кивнула Минг Ю и открыла десятый свиток. На нём были изображены красивые знаки, вместо всяких слов, — у кого-то явно творческий потенциал, но кто же ты?

— Ja. Фрейя младшая, — спокойно произнесла она. Тёмные веснушки на её лице светились при лучах восходящего солнца, — это мои рисунки. Я решила ничего не писать. В детстве мне родители всегда говорили, что передать эмоции через творчество куда сложнее, но интереснее, чем через призму слов. Я родилась и выросла в Финляндии. Мне тридцать два года, но мне все дают от силы восемнадцать лет.

— Благодарю вас, ученица Фрейя, у вас интересный подход к писанию, — открыв последний одиннадцатый свиток, на котором было написано длинное предложение. — Если бы наш гневный друг не покинул нас, то это был бы предпоследний свиток, поэтому, попрошу представиться, — взглянула она на ирландца, — и рассказать, почему вы решили написать здесь – "хромой и баснословный поэт с примесью маленького юмора и большого сколиоза"?

— Меня зовут Кевин, — улыбнулся он, — я родился и вырос в Ирландии. Мои предки из Англии. Мне почти тридцать три, правда, как видите, выгляжу я моложе. Честно говоря, я не знал, что написать и вспомнил, как хорошо умеют рассказывать истории. У меня их просто целая куча! Вот... ещё я веду дневник. Надеюсь, это не запрещено?

— Ученик Кевин, вы можете писать хоть целые книги. Здесь отсутствуют подобные запреты. Итак, благодарю вас за присутствие, — отложила она в сторону свитки, — на сегодня

наше знакомство подошло к концу. Сейчас служащий храма соберёт свитки и упрячет на целый год. Мы вернём вам их, когда вы будете возвращаться домой, чтобы вы задумались о том, как многое изменилось в ваших сердцах и мыслях. А пока, я хочу объяснить вам дисциплину, которая должна быть соблюдена вами. Возможно, что-то вы уже услышали, но я хочу, чтобы между нами не было недопониманий.

Гьяцо и Сангчен привстали и наклонились, затем ушли в сторону храма, шепчась о каких-то мудростях. Нагахару унёс все свитки, и принёс маленький чайник, в котором был заварен зелёный чай. Он налил его в голубую чашу и подал Минг Ю. Она наклонилась, сделала глоток и выдохнув, продолжила:

— Прежде чем вы окончите в эти двенадцать месяцев учения, я должна поставить перед вами несколько правил. Иными словами, очертить границы, которые помогут сохранить чистоту вашего духа. Помните, вы пришли сюда, чтобы познать истину. Значит, всё, что способно омрачить ваш ум, останется за стенами этого места.

Она провела пальцами по своему ожерелью и заговорила чуть громче:

— Я прошу вас отказаться от похоти, которая разъедает душу и искажает истинную красоту любви. Оставьте ложь, ибо в ней вы утрачиваете самих себя и свою правду. Не прибегайте к воровству, ведь всякая попытка присвоить чужое лишает вас честности и уважения. Не разрушайте своё тело вредными привычками и недостойной пищей. Отравляя себя, вы лишаете разум ясности. И всё же не страшитесь любить. Чистая, искренняя любовь не имеет ничего общего с похотью. Она отверзает сердце, наполняет его благостью и укрепляет дух.

Она опустила ожерелье и сложила ладони перед собой, глядя на собравшихся:

— Это знак воды на моём ожерелье. Вода учит быть спокойным, тихим и сдержанным. Пусть она, ставшая моей стихией, напоминает вам быть гибким и терпеливым. Научитесь течь вокруг препятствий, а не биться о них в бессильной ярости. Разве разумный человек станет плыть против мощного течения? Но когда придёт время дать отпор, будьте стремительны и неумолимы, как бурный поток, сметающий всё на пути. Не ради вреда, а ради защиты того, что вам свято и дорого. Таковы наши законы. Они просты и правдивы.

— Учитель, позвольте спросить, — подняла руку Евлалия, — вы говорите, что не отвергаете любовь, но запрещаете похоть. Я понимаю, что тема чуть сокровенная, но мы тут все взрослые люди и нам хотелось бы знать. Учитель Сангчен сказал нам, что любые прикосновения запрещены. Вы говорите, что любовь не запрещаете, но как можно любить, не притрагиваясь к человеку, которого любишь? Вы ведь и сама женщина. У вас ведь тоже может быть влечение к тому, кого вы любите? Как можно отказаться от такого? Наверняка тут кто-то успеет влюбиться или кто-то кому-то понравится. Что тогда?

— Я согласен с Евой, — добавил Чжень, — мы будем тут год без контакта, как же такое терпет?

Монахиня нежно ухмыльнулась и сделала глоток из чаши.

— В ваших словах есть правда, но сам порыв ещё не есть путь. Любовь и похоть различаются не присутствием или отсутствием касаний. Любовь способна наполнить телесную близость глубоким смыслом и благоговением. Похоть же — это жажда обладания, когда другой становится лишь орудием для утоления «мне нужно сейчас», заслоня уважение и сердечное тепло. Мы не запрещаем любовь. Она очищает, врачует, помогает явить лучшее в человеке. Здесь, ограничение прикосновений установлено не для того, чтобы отнять у вас нечто драгоценное. Это средство научить ум и сердце пребывать в покое и ясности. Как женщина я не отрицаю силы страсти. Как наставница я знаю, сколь велика её власть.

Каждый хотел задать вопрос, но в момент опускал руку. Одним монологом она смогла ответить на все их вопросы.

— Итак, ученики. Я рада, что вы всё поняли. Сейчас будет второе задание. Попрошу собраться всех у фонтана, после обеда. Я прибуду туда через несколько минут, совершив обряд и молитву. Вы можете присоединиться ко мне или подождать снаружи.

— Второе задание? Мы только пришли и правалили первое! А вы сразу предлагаете перейти дальше? — проворчал Чжень.

— Памалчи, дубина! — толкнула его Сян, — ни обращайтесь внимания, мой брат немного тук-тук.

— Да подождите вы, тук-туки! — Розали опешила её, — Он прав. Мы же и его провалим наверняка!

— Мои дорогие воины, — радушно отвечала Минг Ю, — мы же сказали вам изначально, что наши учения будут сильно отличаться от того, к чему привык человеческий разум. Не задавайтесь вопросами, а следуйте нашим правилам. Так будет проще.

Солнце стояло высоко в зените, проливая жар на монастырский двор. Кевин с Евлалией решили пойти в храм вместе с наставницей; остальные же, переглянувшись, уселись у фонтана, стараясь найти немного прохлады и покоя после напряжённого утра. Молитва в храме не заняла много времени. Неожиданной новостью для всех оказалась весть о предстоящем обеде, которую принёс Сангчен, появившись у храмовых дверей. Услышав слово «обед», лица учеников озарились облегчением и это было красноречивее любых слов. Монах провёл учеников в небольшой деревянный домик по узкой тропинке. За резной дверью их уже ждали простые, но удивительно аппетитные блюда. Келарь, немолодой мужчина с добродушным лицом, сновисто раскладывал тарелки, чуть заметно кланяясь каждому вошедшему. Взяв деревянные ложки, ученики расселись за длинным, немного скрипучим столом. За обедом Кевин смог поближе познакомиться с остальными из группы. Звук гонга раздался через несколько минут. Тогда все вновь вернулись и собрались у храма. Минг Ю всё так же неподвижно сидела у лестниц храма.

— Я вижу, что вам удалось отдохнуть и набраться сил, а это значит, впереди вас ожидает второе испытание, — вымолвила она, когда все собрались у ворот.

Привстав, она повела всю группу по тропе, ведущей прочь от монастырской территории. Путники шли цепочкой, прислушиваясь к звукам леса. Вскоре они заметили, что Матеус, присоединившись, плетётся позади, стараясь не отставать. Минг Ю, бросив на него короткий взгляд, никак это не прокомментировала, продолжая свой путь. Тропа вывела их к огромному и чистому болоту, где роями порхали стрекозы, а невидимые лягушки бесконечно квакали. Лучи солнца отражались по поверхности воды. Посреди болота плавали листья виктории амазонской. Минг Ю зашла в воду по колено и без колебаний опустилась на один из листьев. Тот чуть прогнулся, но не пошёл ко дну.

— Ваше второе задание... — голос её стал громче, — вы должны продержаться на этом листе несколько минут, и на всё это вам отведён один час. На первый взгляд это может показаться делом лёгким, но вспомните мои слова. Вода — стихия спокойствия. Она требует сдержанности, гибкости и терпеливости. Если вы станете суетиться, трепыхаться, лист непременно перевернётся или пойдёт ко дну. Примите покой и неподвижность, лишь тогда вы сумеете устоять.

Евлалия, заметно взволнованная, выступила вперёд:

— Подождите! Вы опять даёте нам очередное задание, но не объясняете, как правильно его выполнить. Нельзя ли дать какие-то указания, хоть пару советов?

— Тут-то я согласен с девкой. Опять взяли за старое? — возник Матеус.

— Тебе слова не давали, идиот, — встала на защиту Розали.

— Ученица Розали, здесь незачем ругаться, — прервала Минг Ю, — Ученица Евлалия, вы получите все необходимые знания. Но, кажется, вы всё ещё ничего не поняли. Ваше представление об учении здесь уже ошибочно. Испокон веков людям в школах и университетах

вручали горы книжных знаний, лишь для того, чтобы позже они растерянно осознали, как теория почти ничего не значит без живого опыта. Ошибки ваши лучшие наставники. Мы предлагаем вам путь, где практика предшествует теории. И как в жизни можно научиться чему-либо, не ошибаясь? Я предлагаю вам обучение через собственные промахи. Прошу вас, встаньте на эти листья. Попробуйте продержаться хотя бы немного. Будьте водой. Будьте смиренны.

Ученики начали забираться на большие листья амазонки. Каждый суетливо пытался удержать лист руками, но терял баланс сразу же. Листья тонули вниз, присутствующие не могли спокойно балансировать. Единственным, у кого получилось сделать это с первого раза, был Вальтер. Он уселся так спокойно, будто проходил это испытание тысячу раз.

— Вот оно, настоящее спокойствие, — провозгласила монахиня, — взгляните на ученика Вальтера. Он не задаётся вопросами. Он не ищет ответов. Он просто принимает и гармонирует с природой.

У женской части группы едва удавалось продержаться, а мужчины тонули моментально. Кевин успел полностью обмочиться и наступить на лягушку под водой. Чжао и Чен пытались помочь друг другу, но всё было безуспешно. Когда Чжао смог усесться, то через минуту лист начал тонуть из-за веса. Матеус стоял и наблюдал за остальными, пока его не охватила гордость, и желание доказать всем, что он сможет это лучше остальных. Но стоило ему ступить ногой на лист, как он потонул. После пятой попытки, Розали сильно разбушевалась и вскрикнула на учителя.

— Вы видите, как мы тут мучаемся, и не помогаете нам! И вообще, вы не тонете, потому что вы худая и вам лист попался толстый! Что ж мне делать, если я вешу пятьдесят пять килограмм?

— Сумимасэн... Сифу, пожалуйста, помогите нам. Мы правда не можем удержаться на этих листьях. Может и правда дело в том, что вы просто худее нас и под вами большой лист? — добавила Мизуки.

— Ошибаетесь, — почти беззвучно произнесла Минг Ю, глядя на остальных, — ваши листья тонут не потому, что они тоньше. Истинная причина кроется в вас самих. Когда эмоции бушуют, вы сами утяжеляете свой вес, подобно балласту, который погружает лист в воду. Взгляните лучше на Вальтера: он уже пять минут сидит неподвижно, а его лист и не думает опускаться.

— Бред! — возмутился Матеус, глядя на свой лист, несколько раз ушедший ко дну, — просто вам достался самый толстый лист, а нам такие, что тонут от лёгкого нажатия.

Минг Ю без лишних слов поднялась со своего, на вид хрупкого, листа и неспешно пересела на тот, что выбрал Матеус. Сложив руки в позе лотоса, она села так, будто весила не больше пушинки. Лист амазонки удерживал её так же легко.

— Несколько минут минуло, а вы даже не попытались по-настоящему удержаться на них. Говоря иначе, вы уже провалили это испытание...

— И апять мы ва всём виноваты! — пробурчал Чжень, стараясь оправдаться, — вы ничему толком не учите, а патом гаварите, что мы провалили задание! Почему?

— Прошу не грубить. Я дала вам целый час, — ответила Минг Ю, — и снова мысли одолели вас сильнее. Интересно и то, что на сей раз я не говорила ни о каких наказаниях, но и без моих слов, вас терзали тысячу мыслей и сомнений. Не прошло и половины времени, как вы уже сдались, а теперь лишь смотрите на меня и ждёте готовых ответов. Вы – бездействуете. Это худшее, что может сделать человек, на отведённое ему время. Выходит, если вам дать год жизни, вы просто будете слоняться из стороны в сторону, ожидая собственной смерти. Нам лучше вернуться.

Вечерний свет уже начинал окрашивать небо нежными розово-золотистыми оттенками, когда Минг Ю неспешно повела двенадцать учеников обратно к монастырю. У величественной

сакуры, раскинувшей свои ветви прямо у каменной стены храма, монахиня остановилась и жестом пригласила всех сесть на землю.

— Присаживайтесь, — вполголоса высказала она, — позвольте мыслям успокоиться так же мягко, как ветер успокаивает колышущиеся ветви сакуры.

Она начала обходить учеников вокруг и продолжила:

— Каждый сезон несёт в себе четыре испытания. Вы уже коснулись сути первых двух, и впереди остались ещё два. На протяжении ближайших трёх месяцев, до самых первых лучей осеннего солнца, нам предстоит возвращаться к ним снова и снова. Моя задача подготовить вас к Цю Цзе – испытаниям осени. Накопить в вас мудрость и отпустить в непростой путь. Но для того, чтобы вы начали по-настоящему трудные испытания, вы должны научиться быть спокойными. Вы должны найти гармонию внутри себя. Вода учит именно этому. Слушайте воду, смотрите за водой, будьте водой. На сегодня я думаю всё. Завтра, я покажу вам следующие два испытания и после этого дня, мы будем проходить их каждый день, снова и снова.

Вечер укрыл монастырский двор лунным светом, под которым всё вокруг выглядело иным. Кевин не спешил уходить на покой и, бродя по монастырскому двору, наткнулся на Мизуки, собиравшую листья лозы с ветвей раскидистого дерева. Она заметила его присутствие и тут же накрыла волосы так, чтобы скрыть за ними уши.

— Что вы тут делаете, госпожа Мизуки? — понизив голос, спросил он, подошёл ближе, чуть ли не вплотную.

— Ано... собираю листики. Это успокаивает и дарит гармонию, — ответила она, опустив взгляд, — я всегда собирала в детстве листья, это очень помогало после тяжелых школьных экзаменов.

— Слушайте, — почесал он затылок, — у меня есть идея получше, если вы действительно хотите найти умиротворение.

Мизуки слегка прищурилась, подавляя лёгкую улыбку:

— В целом я и так спокойна, но... от вашего предложения не откажусь.

— Я тут слышал, — медленно начал Кевин, будто рассказывая секрет, — наш учитель Минг Ю взбирается на ближайший холм. Матеус говорит, что она там чуть ли не левитирует и общается телепатически с другими монахами. Хотите проверить?

Мизуки только покачала головой, сдерживая смех:

— Хэ-э? Чотто! Неужели вы в это верите? Я-то думала, что вы человек серьёзный и мудрый. Мы здесь всего два дня, откуда он знает всё это?

— Нагахару проболтался Матеусу и Чжену. Он сказал, что она поднимается на холм уже много лет. Ну же, госпожа Мизуки, пойдёмте. Это будет интересно!

Она засомневалась, но в глубине души любопытство и лёгкий авантюризм всё-таки взяли верх:

— Ну-у... пойдёмте. Странно это... зачем Нагахару говорить им такое? Ладно, но, если нас поймают, я всё свалю на вас, — подшутила она.

Гонг, возвещающий отбой, уже прогремел, но Кевина это не смутило:

— Не волнуйтесь, — шепнул он, — в это время никто не проверяет дома, все привыкли к полной тишине.

Они пошли вверх по тропе, пока ночь не погрузила всё в почти полную темноту. Мизуки периодически затормаживала и робко предлагала вернуться, но Кевин лишь кивал и продолжал свой путь.

— Кстати, я давно хотел спросить, почему вы стесняетесь своих ушей?

Мизуки прижала прядь волос к виску, покраснев:

— Ушей? Сумимасэн... что вы... вообще... нет! Неужели заметно? То есть... они большие... да? вы тоже так думаете? Да?

— Ха-ха! — Кевин прокашлялся, пытаясь смягчить свой смех, — теперь понятно, что вы нервничаете именно из-за этого. Признайтесь, вы поправляете волосы, как только видите меня.

— Вам просто показалось! — сказала она, пробуя скрыть смущение, — а вы, я смотрю, не стесняетесь за мной следить, Хэ? Мистер Кевин?

— Следить? Да ни за что. Считаете, что я способен на такое?

Мизуки похихикала в ответ. Тропа тем временем становилась всё круче и исчезала среди зарослей. Лишь с трудом пробивающийся сквозь листву лунный свет указывал им дорогу. Постепенно они поняли, что поднимаются к вершине холма. Мизуки поскользнулась на скользком камне, и, когда Кевин попытался подхватить её, сам рухнул сверху прямо на неё. От неловкой ситуации она покраснела, а он успел только выдохнуть смущённое «Простите», быстро поднимаясь и помогая ей встать на ноги. Поднявшись немного выше, за крупными валунами они различили её: она сидела у маленького болотца, созданного искусственно, по бокам которого теплились две масляные лампы, дающие мягкое свечение. Кевин с Мизуки затаились за деревом, но она неосторожно облокотилась на его плечо, и они оба покачнулись, с шумом рухнув в кусты. Минг Ю тотчас обернулась, встала и бесшумно подошла к ним.

— И как это понимать? — при свете тусклых ламп её лицо отражало сильное удивление.

— Учитель, простите... — выговорил он подавленно, — мы, э-э-э, заблудились... просто не знали, что вы здесь...

Монахиня прищурилась, разглядывая обоих.

— И вы, наверное, надеялись найти что-то таинственное? Например, летающую меня? Похоже, любопытство одолело наши строгие правила. А почему вы вдвоём?

— Гоменнасай... учитель, умоляю, только не высылайте нас, — негромко вмешалась Мизуки, ощущая, как ноги подкашиваются от страха разоблачения, — Мы не хотели...

— Я не собираюсь высылать вас, нет, — чуть отдалённо, но твёрдо ответила Минг Ю, — однако вы нарушили правило, солгали сейчас Сифу, да ещё и потревожили меня здесь, в столь поздний час. Что ж... будет вам наказание.

— Какое... учитель? — поникшим тоном спросил Кевин, ожидая худшего.

— Вашим наказанием станет время, которое вы потратите на моё наставление. Садитесь у камня и примите позу Лотоса. Ведь что может быть хуже в этой жизни, чем выслушивать лекции от пожилых людей?

Кевин и Мизуки переглянулись и присели рядом с большой глыбой.

— Теперь ответьте мне, ученики, честно. Что вас привело сюда? Сомневаюсь, что это лишь обычное любопытство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.